

Райкин без Райкина

НИКО не скажет «Сегодня я иду на новый спектакль Ленинградского государственного театра миниатюр». Каждый скажет: «Я иду на Райкина».

И вот вы за неделю до этого выстояли длинную очередь у кассы и уже заранее настроены особым образом, заранее готовы к тому лирическому общению, способность к которому составляет, пожалуй, самое главное и самое привлекательное в таланте этого замечательного артиста. «Мастер смеха», «виртуоз трансформации» — ведь, правда же, сухими и скучными кажутся вам эти вообще-то верные определения, когда они даны Райкину? Да, мастер. Конечно, виртуоз. Но не в этом дело. Райкин — это своя тема. Райкин — это особый лирический герой.

Райкин не создал маски — он создал сценический характер с его конфузливой задушевностью и молодой мечтательностью, с внезапной смелой его интонаций — приподнятых и осуждающих, веселых и горьких. А еще вернее. Райкин остался самим собой, сумев раскрыть себя. В этом — источник его творческого счастья, главное объяснение нашей к нему любви. В этом — его право на «театр одного актера». И нечего бояться такого театра!

«Райкин не дает играть другим»... «Райкин не хочет отойти от обычной эстрадной программы, не ищет пьес с единым сюжетом»... «Райкин не ищет новых форм»... И вот — о, радость! — мы видим Райкина в новом спектакле, где учтены все эти замечания, где есть и первое, и второе, и третье. Драматурги В. Масс и М. Червинский написали пьесу «Любовь и три апельсина» по мотивам сказки К. Гоцци, режиссер А. Тутышкин поставил «сказочное представление в двух отделениях», Райкину определили место в обычном списке действующих лиц, где имя героя напечатано слева, а фамилия актера

справа. Ну конечно, Райкин и здесь — блестящий мастер своего дела: мгновенно перевоплощаясь, он играет четыре роли, а кроме того, ведет спектакль то в своем обычном эстрадном костюме, то в восточной чалме волшебника. Но получается так, что Райкин интересен нам по-настоящему лишь тогда, когда действие пьесы останавливается, когда, вырываясь из сюжета, он, пусть на короткое мгновение, возвращается к самому себе.

И вам все время кажется, что ваш старинный друг, милый хозяин дома, в котором вы так любите бывать, то и дело убегает, чтобы скрыть свое лицо под ненужной вам маской, полагая, что вам будет веселее провести вечер не с ним самим, а с его временными заместителями: Магом-Челио, Труффальдино, Панталоне, Тартальей. Вообще-то говоря, вы не имеете ничего против этих симпатичных персонажей итальянского народного театра, даже если они, как то позволяет традиция, играют не всерьез, то и дело оказываются вашими современниками, но, право же, Райкин вам куда важнее и дороже.

Итак, вы все время ждете Райкина, а он оказывается с вами лишь тогда, когда ему удастся из сказки вернуться в контору, где здоровому человеку навязывают путевку в санаторий для

душевнобольных, когда в блистательной пантомиме он показывает жизнь пьяницы от колыбели до могилы, когда он возвращается к жанру своего «МХЭТа», который, право же, еще никому не надоел. И нет вам в общем-то никакого дела до событий при дворе «короля бубен», и с полной легкостью отвлекаетесь вы от старой сказки, перекроенной на новый лад.

Лирическое общение зала с Райкиным всегда содержательно, ибо, повторяем, за этим стоит самораскрытие артиста, его тема, его герой. А маленькая пропись, предложенная драматургами взамен этого общения (вроде «смеяться полезно»), возмещает ли она главную потерю этого вечера? И вот результат. Это первый спектакль в театре Райкина, где «в случае болезни главного исполнителя» спектакль мог бы состояться и где на его роль мог бы быть введен некий другой талантливый комедийный актер (в крайнем случае — четыре других актера). Но как не может быть концерта Гилельса без Гилельса или Журавлева без Журавлева, так и не может быть спектакля Райкина без Райкина.

А между тем мы увидели именно это.

В. ШИТОВА

На снимке: сцена из спектакля Ленинградского государственного театра миниатюр «Любовь и три апельсина».

Фото А. Князева